

ГЕНРИХ ШЛИМАН

ТРОЯ

Генрих Шлиман

Троя

«Центрполиграф»

Шлиман Г.

Троя / Г. Шлиман — «Центрполиграф»,

Настоящая книга является логическим продолжением и дополнением к «Илиону». И Гиссарлык, и остальная часть Троады были систематически и тщательно раскопаны Шлиманом. Он скрупулезно изучил каждое древнее поселение Троады и место, где стояла сама Троя. Результаты в некоторой степени послужили добавлением и исправлением заключений, к которым он пришел в «Илионе», и имеют высочайшую ценность для науки. Издание прекрасно иллюстрировано и снабжено картами и планами раскопок, приложение включает посвященные Трое статьи известных ученых Р. Вирхова, К. Блинда и Д.П. Махаффи. На русском языке книга выходит впервые.

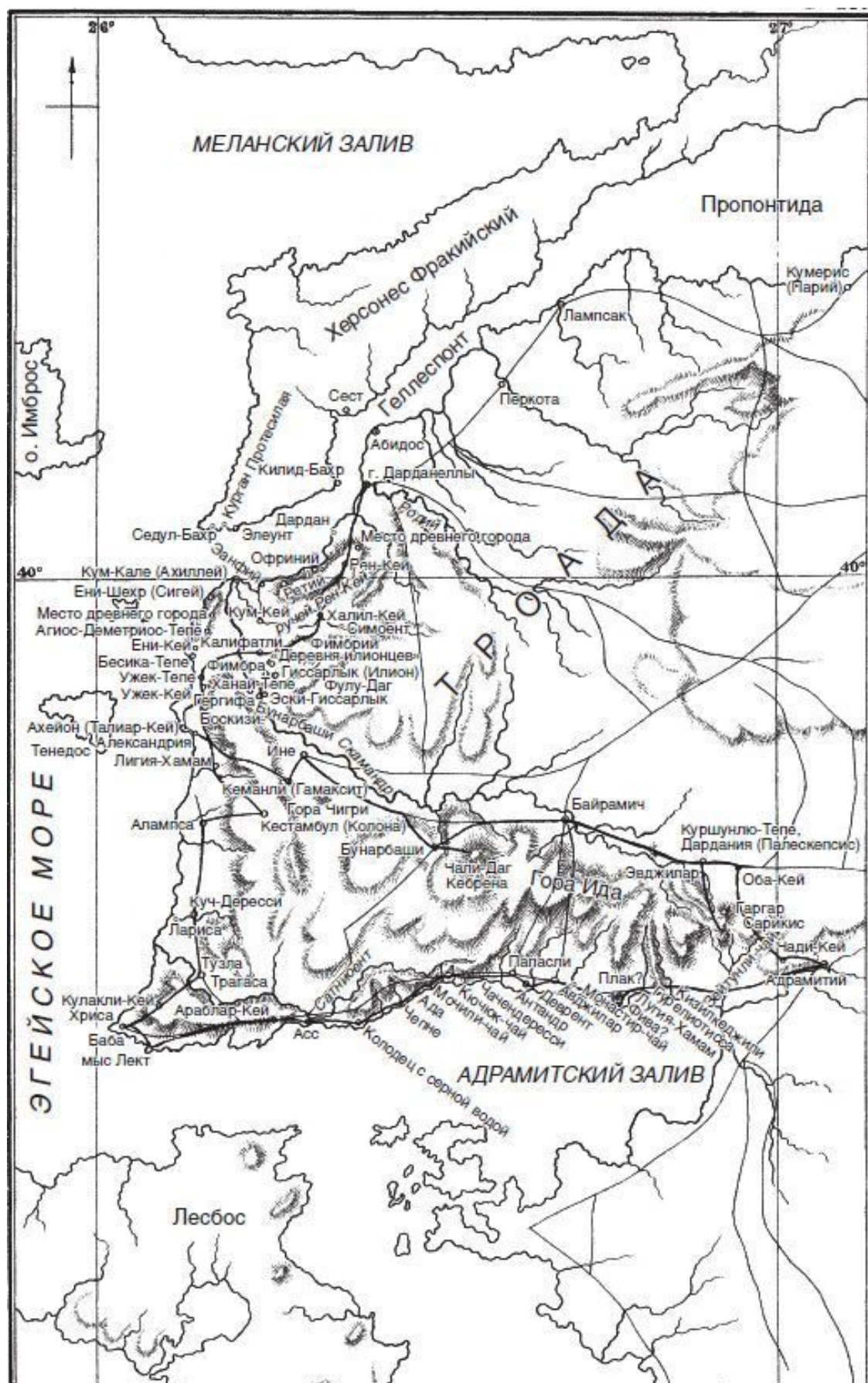
Содержание

Предисловие	6
Глава I	20
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Генрих Шлиман Троя

Предисловие

И десяти лет не прошло с той поры, когда нам казалось, что начало греческой истории скрылось за завесой непроницаемой тьмы. Вольф и его последователи буквально разорвали Гомера на куски; школа Нибура критиковала легенды доисторической Эллады, откуда от них ничего не осталось, а наука сравнительной мифологии решила, что «божественное предание о Трое», как и сказание об осаде Кадмийских Фив, – всего лишь вариация на тему бессмертного предания о том, как сияющие силы небес день за днем штурмуют чертоги небосвода. Первая часть «Истории» Грота – конец и вершина этого периода деструктивной критики. Великий историк доказывает, что у нас нет никаких источников, восходящих к героической эпохе Греции; между ней и эпохой письменности лежит глубокая, ничем не заполненная пропасть, и легенды, которые рационалисты-летописцы превратили в историю, нельзя отличить от преданий о богах. На поверку оказалось, что наши данные по так называемому «героическому», или «доисторическому», периоду недостаточны. В мифах, которые рассказывали о древних героях, действительно могло содержаться какое-то зерно истины, однако сейчас обнаружить его мы уже не можем. С несокрушимой логикой нам указывали на то, что все части мифа тесно связаны и что мы не можем произвольно отделить и различить одну от другой.

Такая разрушительная работа неминуемо предшествует работе восстановительной. Лишь когда мы отберем и оценим имеющиеся у нас источники, когда уберем с нашего пути все неверное и неопределенное, мы сможем расчистить почву для постройки здания истины из новых и лучших материалов. Хотя суждения Грота все еще определяют наши понятия о первобытной Греции, профессор Эрнст Курциус проникательным взглядом гения разглядел, что они еще не являются – и не могут быть – окончательными. Этнология Греции на заре письменной истории предполагает и этнологию героического века, и древние мифы не могли быть связаны с определенными событиями и локализованы в определенных регионах, если на то не было причин. Кир и Карл Великий стали героями эпоса лишь потому, что они прежде всего были героями в реальности. Однако профессор Эрнст Курциус увидел и многое другое. Открытия Ботты и Лэйарда в Ниневии и Ренана в Финикии показали ему, что зародыши искусства и, таким образом, культуры первобытной Греции должны были прийти с Востока. Забытые теории о связи Востока и Запада возродились, но уже в новой, научной форме, они были основаны уже не на диких фантазиях, а на прочных основаниях достоверных фактов. Курциус даже успел увидеть, что восточное влияние должно было проникать в Грецию двумя путями – не только через финикийцев, но и по горным дорогам Малой Азии.

Однако Курциус не мог доказать то, о чем он догадывался. Выводы Грота пока еще казались почти неоспоримыми, и ученые–антиковеды считали VI и VII века до н. э. каким-то мистическим периодом, за которым не было ни цивилизации, ни истории. Даже теперь мы все еще находимся под влиянием того духа скепсиса, который зародился от деструктивной критики последних пятидесяти лет. И естественно, сегодняшним ученым свойственно скорее «омолаживать», нежели удревять даты и датировать все как можно более поздним периодом. Современные ученые точно так же не хотят признавать древность цивилизации, как не хотел научный мир признавать и древность самого человека, когда ее впервые доказал Буше де Перт. Но сначала египтологи, а потом и те, кто расшифровывал памятники Ассирии и Вавилона, были вынуждены уступить суровой правде фактов. И здесь дело было сделано руками исследователя и археолога, и историю отдаленного прошлого буквально выкопали из земли, в которой она так долго была погребена.

Проблема, от которой в отчаянии отворачивались ученые Европы, была решена благодаря умению, энергии и упорству доктора Шлимана. В Трое, в Микенах, в Орхомене он открыл прошлое, которое уже в век Писистрата стало лишь туманным воспоминанием. Мы можем оценить цивилизацию и знания людей, которые обитали в этих древних городах, можем подержать в руках инструменты, которые они употребляли, и оружие, которым они владели, начертить планы комнат домов, где они жили, восхититься той благочестивой заботой, с которой они

обращались со своими мертвыми, и даже проследить границы их взаимодействия с другими народами и последовательные стадии культуры, через которые они прошли. Герои «Илиады» и «Одиссеи» стали для нас людьми из плоти и крови, мы можем видеть и их, и еще более древних героев почти в каждой грани их повседневной жизни и даже определить их характер и вместимость их черепов. Неудивительно, что столь чудесное открытие прошлого, в которое мы уже перестали верить, должно было пробудить множество споров, и оно совершило безмолвную революцию в наших представлениях о греческой истории. Неудивительно и то, что первооткрыватель, который столь грубо нарушил установившиеся предрассудки, встретился с бурей несогласия и возмущения, а то и с атаками исподтишка. Однако в этом случае новое было истинным, и по мере накопления фактов и проведения одних раскопок за другими буря постепенно улеглась, и за ней последовало живое признание и безусловное согласие. Сегодня ни один профессиональный археолог – специалист по Греции или Западной Европе – не сомневается в основных фактах, которые были установлены благодаря раскопкам доктора Шлимана, и мы уже никогда не вернемся к представлениям десятилетней давности.

На первый взгляд раскопки кажутся очень простым делом. Однако это совсем не так – если эти раскопки должны принести хоть какую-то пользу науке. Археолог должен знать, где и как копать; и прежде всего, он должен осознавать ценность своих находок. Разбитые черепки, которые невежда отбрасывает прочь, в глазах археолога зачастую – драгоценнейшие реликвии, завещанные нам прошлым. Чтобы преуспеть в археологии, необходимо сочетание различных качеств, которые крайне редко соединяются вместе. Именно этому сочетанию мы и обязаны обнаружением Трои и Микен и начавшимся вследствие этого возрождением древней истории. Энтузиазм и самоотверженный труд доктора Шлимана равны только его знанию древнегреческой литературы, способности свободно беседовать на языках своих рабочих, физической силе, которая позволила вынести пронизывающий ветер, ослепляющую пыль, скудную пищу и все прочие трудности, которые ему пришлось пережить, и прежде всего – духу ученого, который повел его в настоящее паломничество по музеям Европы, заставил искать помощи у археологов и архитекторов и принудил отказаться от своих излюбленных теорий, как только его привела к этому жизнь. И наконец, он получил свою награду. Мечта его детства сбылась: стало ясно как день, что если Троя греческой истории хоть как-нибудь существовала на земле, то это могло быть только на холме Гиссарлык.

Это, как он сам сказал нам, было высшей целью трудов всей его жизни. Однако, достигнув этой цели, он обогатил мир науки тем, что многие сочтут еще более важным. Он открыл новую эпоху в изучении классической древности, произвел настоящую революцию в наших понятиях о прошлом, дал импульс тем «исследованиям с лопатой», которые приносят столь чудесные плоды по всему Востоку, и нигде более, как в самой Греции. Свет разгорелся над вершинами Иды и осветил давно забытые века доисторической Эллады и Малой Азии. Теперь мы начинаем узнавать, как Греция получила свою силу и волю для той культурной миссии, благодаря которой ей до сих пор обязаны мы все, жители современного мира. Мы можем проникнуть в прошлое, о самом существовании которого забыла греческая традиция. Рядом с одним из нефритовых топоров, которые доктор Шлиман обнаружил в Гиссарлыке, сама «Илиада» – всего лишь вчерашний день. Он уносит нас в глубь веков, когда не было еще империй ассирийцев и хеттов и, может быть, даже арийские предки греков еще не добрались до своего нового дома на юге, но когда грубые племена эпохи неолита уже начали торговлю и обмен, а караваны путешественников везли драгоценные камни Кунылуна от одного конца Азии к другому. Исследованиям доктора Шлимана доисторическая археология обязана так же, как и греческая история, и наука о греческом искусстве.

Почему же примеру доктора Шлимана не следуют хотя бы некоторые из тех богатых людей, которыми полна Англия? Почему бы им не потратить на науку хоть малую часть того богатства, которое они расточают на разведение скаковых лошадей и содержание своих псарен?

Правда, есть немногие, которые, как можно надеяться, станут подражать Шлиману в его великодушной расточительности и щедро одарят свою родину огромным и неоценимым запасом археологических сокровищ, на добывание которых ушли такие средства, готовы будут потратить на науку половину своего годового дохода. Но конечно, в Англии должны найтись еще по меньшей мере один или два человека, которые согласятся помочь в поиске корней нашей цивилизации и тем самым завоевать себе место в анналах благодарной науки. Действительно, доктор Шлиман создал себе имя, которое никогда не может быть забыто, даже когда то поколение восторженных слушателей, которые приветствовали его в университетах Германии или в старейшем университете нашего отечества, сойдет с лица земли.

Настоящую книгу можно считать приложением и дополнением к «Илиону». И Гиссарлык, и остальная Трояда уже систематически и тщательно раскопаны так, как прежде не была раскопана ни одна большая территория. Из этого очень важного уголка земли были выжаты буквально все доступные нам сведения о его прошлом. Доктор Шлиман изучил каждое древнее поселение Трояды и, с помощью двух профессиональных архитекторов, крайне тщательно осмотрел место, где стояла сама Троя. Результаты, которые в некоторой степени послужили добавлением и исправлением заключений, к которым он пришел в «Илионе», имеют высочайшую ценность для науки. Бунарбаши и Бали-Даг навсегда лишились права притязать на звание того места, где находился доисторический город. Доктор Шлиман доказал, что на Троянской равнине существует только два поселения помимо Гиссарлыка – холмы Ханай и Бесика. Нигде больше не были обнаружены предметы, которые на разумных основаниях можно отнести к более древнему периоду, чем тот, когда эолийские поселенцы начали стекаться на берега Азии. Однако обитатели первых двух доисторических городов на Гиссарлыке должны были с расовой точки зрения отличаться от тех, кто жил на Ханай-Тепе или на краю бухты Бесика. Керамика Гиссарлыка в корне отличается от той, что находят в других уголках Трояды. Однако все оказывается совсем по-другому, если мы переправимся в Европу и взглянем на так называемый курган Протесиля. Он, как открыл доктор Шлиман, был воздвигнут на месте очень древнего города, керамика и каменные фрагменты практически такие же, как и в самом нижнем слое Гиссарлыка. Вывод очевиден: первые обитатели Гиссарлыка, строители его первого города, должны были перебраться через Геллеспонт из Европы. Фактически основатели Трои должны были быть по происхождению фракийцами.

Это открытие лишь доказывает справедливость древнегреческих преданий, которые отбросила в сторону современная критика. Страбон давным-давно говорил, что фригийцы некогда переправились из Фракии в Мизию и здесь завладели городом Троей. Троянцев, как замечает доктор Карл Блинд, афинские трагики называют фригийцами, и само имя Гектора, «опоры» Илиона, как говорит Гесихий, является всего лишь переводом фригийского «Дарей». Фригийцев их лидийские соседи называли «бригами», или «свободными людьми», и, как уверяет нас Страбон¹, всем хорошо было известно, что это племя фракийское, и, как мы узнаем из Геродота, армяне позднейшей истории являются их ветвью².

Исследования последних нескольких лет исчерпывающе показывают, что древние историки говорили правду. Моя расшифровка клинописной надписи Вана доказывает, что еще в 640 году на Арарате или в Армении не было арийских поселенцев; страну продолжал населять, судя по всему, тот же самый народ, что обитает в современной Грузии, говоривший на языке, не связанном с языками арийской семьи^{3*}. Когда армяне-арийцы в конце концов добрались

¹ Страбон. VII. С. 295; X. С. 471. (Здесь и далее указываются страницы первого печатного издания Страбона (1587 г.); это обозначение сохранено в русском переводе Страбона наряду с более современной системой обозначения по главам, и поэтому мы сохраняем такие ссылки на Страбона и далее. – Примеч. пер.)

² Геродот. VII. 73; см. также: *Eustath. Ad Dionys. Perieg.* V. 694.

³ * Современные лингвисты считают, что урартский язык, засвидетельствованный памятниками IX–VI вв. до н. э., относился к кавказской языковой семье. (Здесь и далее примеч. авт. обозначены цифрами, примеч. пер. – цифрами со звездочкой.)

до своего нового дома, они, должно быть, пришли с запада, а не с востока. Среди сотен имен, относящихся к широкой области между Мидией и Галисом, которые встречаются в памятниках Ассирии, нет ни одного, которому можно было бы приписать ассирийское происхождение, и сравнительная филология теперь доказала, что современный армянский, как и скудные остатки древнего языка фригийцев, находится где-то посередине между греческим, с одной стороны, и балто-славянским – с другой. Таким образом, предки армян и фригийцев должны были некогда обитать в регионе, который с юга граничил с греками, а на севере – со славянами; другими словами, в той самой стране, которая была известна античной географии под именем Фракия.

Соответственно, благодаря открытиям доктора Шлимана, мы теперь знаем, кем первоначально были троянцы. Они были фракийскими европейцами и говорили на диалекте, который близко напоминал диалекты Фракии и Фригии. И поскольку этот диалект принадлежал к арийской семье языков, весьма возможно, что и те, кто говорил на нем, принадлежали к арийской расе. Если это так, то и мы, подобно грекам эпохи Агамемнона, можем назвать подданных Приама братьями по крови и языку.

Таким образом, древности, открытые доктором Шлиманом на месте Трои, представляют для нас двойной интерес. Они уводят нас в глубь веков, к позднему каменному веку арийской расы, к тому веку, память о котором сохранилась лишь на долговечных скрижалях языка и о котором молчат традиция и история. Они помогут разъяснить вопрос, который сейчас так занимает умы археологов и этнологов: считать ли людей позднего каменного века в Западной Европе арийцами или же лишь представителями тех рас, которые обитали в этой части земного шара до того, как сюда прибыли арийцы. Если предметы из камня и бронзы, глины и кости, обнаруженные в Гиссарлыке, соответствуют тем, что были найдены в Британии и Галлии, возникает обоснованное предположение, что и последние изготовлялись и использовались племенами арийской расы.

Однако открытия, которые проистекают из раскопок доктора Шлимана в 1882 году, на этом не кончаются. Он обнаружил, что второй доисторический город, а возможно, также и первый, не ограничивался, как раньше полагали, узкими пределами Гиссарлыка. Фактически Гиссарлык был всего лишь «Пергамом» или цитаделью, увенчанной шестью общественными зданиями, которые людям того времени должны были казаться большими и величественными. Под ними простирался нижний город, фундаменты которого теперь обнажились. Как и Пергам, он был окружен стеной, камни которой, как проницательно заметил доктор Шлиман, должны были быть теми самыми, которые, согласно Страбону, перенес митиленец Археанакт, построивший из них стены Сигея. Те, кто представляет себе размер и характер ранних поселений Леванта, глядя на город, который теперь открылся перед нашими глазами, сознают, что он обладал большим могуществом и властью. Теперь легко понять, почему в его руинах были найдены золотые сокровища и как здесь оказались предметы иностранного производства, такие как египетский фаянс и азиатская слоновая кость. Князь, дворец которого возвышался на цитадели Гиссарлыка, должен был быть могущественным властителем, господствовавшим над богатой троянской равниной и повелевавшим входом в Геллеспонт.

Можно ли назвать его царем Илиона? Лучший ответ на этот вопрос даст конечный результат раскопок 1882 года, которого я пока не касался. Более обширные раскопки и внимательное изучение архитектурных деталей города показали, что сожженный город был не третьим, как полагал доктор Шлиман в «Илионе», но вторым и что огромные массы руин и щебня, которые лежат на фундаменте второго города, принадлежат ему, а не третьему городу. Более того, в жизни и истории этого второго города можно выделить два различных периода: более древний, когда впервые были воздвигнуты его стены и постройки, и более поздний, когда они были расширены и частично перестроены. Очевидно, что второй город должен был существовать довольно долго.

Сейчас невозможно говорить об этих фактах, не заметив, как они до странности совпадают с тем, что традиции и легенды говорят нам о граде Приама. Город, который обнаружил доктор Шлиман, существовал довольно долго, однажды его стены и здания перенесли капитальную перестройку; он был большим и богатым, с акрополем, господствовавшим над равниной, и был увенчан храмами и другими большими строениями; стены его были массивными и охранялись башнями; его правитель был могущественным князем, который должен был иметь в своем распоряжении близлежащие золотые рудники Астир и поддерживал связь с отдаленными племенами и по земле, и по морю; и главное, город этот погиб в пламени. Теперь обратимся к основным моментам греческой истории об Илионе. Здесь мы также слышим о городе, который уже был древним к началу Троянской войны; чьи стены и общественные здания некогда уже разрушались и впоследствии восстанавливались; который, как Гиссарлык, был большим и богатым, с величественной цитаделью, на которой возвышался царский дворец и храмы богов; он был окружен высокими стенами, увенчанными башнями; его царем был богатый и властный Приам, у которого повсюду были союзники; и в конце концов город этот был взят греческими захватчиками и сожжен дотла. Когда мы добавим к этому, что, как ныне доказано, Гиссарлык оказался единственным местом в Троаде, соответствующим гомеровской Трое, трудно противиться заключению, что доктор Шлиман действительно открыл Илион.

Однако, сказав это, мы не обязательно утверждаем тем самым, что все топографические детали, упомянутые в «Илиаде», могут быть обнаружены непосредственно вблизи от Гиссарлыка. Как заметил доктор Шлиман, «Гомер передает легенду о трагической судьбе Трои в таком виде, в котором получил ее от предшествующих бардов, облачая деяния легенды о войне и разрушении Трои в одежды своего собственного времени». Один якобы критик доктора Шлимана недавно открыл, что вся география «Илиады» эклектична и во всех своих деталях не соответствует ни одной местности на Троянской равнине. Однако это открытие уже не новое; об этом писал я сам четыре года назад в журнале «Академи», а также и доктор Шлиман в «Илионе», и его можно найти и у других, предшествовавших нам, авторов. Определяя, действительно ли второй доисторический город на Гиссарлыке является гомеровским Илионом, вряд ли необходимо согласовывать все топографические указания «Илиады» с его местоположением, а также согласовывать картину троянской цивилизации, данную нам в гомеровских поэмах, с той цивилизацией, которую фактически открыли нам раскопки доктора Шлимана.

Таким образом, Гиссарлык, или, как мы будем отныне называть его, Илион, должен был быть тем городом, осада и завоевание которого стали предметом греческого эпоса. Именно здесь нашли себе приют древние мифы, которые арийские барды рассказывали в давние дни; и эолийские поэты и рапсоды видели ту борьбу, которую их соотечественники вели против могучего властителя Илиона, повторяя в реальном мире ту войну, которую некогда вели боги и герои в сказочной стране легенд. Дату разрушения Трои определить не так легко. Второй город на Гиссарлыке принадлежит к доисторическому времени, а именно к тому, для которого не существует современных ему письменных документов. Он отмечен особого вида керамикой, использованием орудий из камня и бронзы и отсутствием таких свидетельств, как камни или надписи, которые характеризуют уже историческую эпоху. Над руинами второго города находятся остатки не менее чем четырех других доисторических поселений, от трех из которых остались следы строений, в то время как четвертый и последний представлен только самым прочным и неразрушимым памятником – горами битых черепков. Над ними лежат остатки Илиона греческих и римских времен, древнейшие из которых представляют собой фрагменты расписной греческой терракоты, подобные тем, что мы находим в Микенах и Орхомене, и которые могут быть датированы VII веком до христианской эры. Это хорошо согласуется с эпохой, в которую, по словам Страбона, был основан эолийский Илион.

Действительно, четыре поселения, следовавшие одно за другим на холме Гиссарлык после падения Илиона, были едва ли более чем деревнями, в которых обитали грубые пле-

мена. Но сам тот факт, что они следовали одно за другим, свидетельствует о значительном промежутке времени. Чтобы собрался тот холм из почвы и щебня, на вершине которого греческие колонисты построили свой новый город, должно было пройти по меньшей мере два или три века. Даже массы черепков, которыми заполнена почва, должны были собираться долгое время, в то время как между упадком третьего города и рождением четвертого должно было пройти некоторое время.

Однако у нас есть и более достоверные сведения о том, к какой эпохе восходит Илион, — их дают нам предметы, обнаруженные в его руинах. Как я уже указывал пять лет назад⁴, среди них мы не находим никаких следов финикийской торговли в Эгейском море. Действительно, мы встречаем предметы из египетского фаянса и восточной слоновой кости, но их привез сюда кто-то другой, а не финикийцы. С ними не было найдено ничего, на чем лежал бы отпечаток ремесла, известного нам сегодня как финикийское. В этом отношении Гиссарлык резко отличается от Микен. Там мы можем обратить внимание на многочисленные предметы и даже керамику, которая указывает на финикийское искусство и общение с финикийцами. Илион должен был быть разрушен еще до того, как деловитые торговцы Ханаана стали посещать берега Трояды, везя с собой предметы роскоши и влияние определенного стиля искусства. Это возвращает нас к XII веку до н. э., а может быть, и к еще более раннему периоду.

Однако не только финикийцы не оставили никакого следа на Гиссарлыке: влияние ассирийского искусства, которое начало распространяться по Западной Азии около 1200 года до н. э., также отсутствует. Среди множества предметов, которые открыл доктор Шлиман, нет ни одного, в котором можно было бы найти хоть малейшее свидетельство его ассирийского происхождения.

Тем не менее среди древностей Илиона есть много такого, что не является ни местным, ни европейским импортом. Исключая фаянс и слоновую кость, мы находим множество предметов, которые показывают влияние архаического вавилонского искусства, особым образом преобразованного. Теперь мы понимаем, что это означает. Племена, которых соседи звали хеттами, еще в древности из гор Каппадокии пришли в Северную Сирию и здесь создали могучую и обширную империю. Из столицы Каркемиша (теперь Джераблус на Евфрате)^{5*} выходили их армии, дабы на равных сражаться с воинами египетского фараона Сезостриса или нести имя и власть хеттов на самые берега Эгейского моря. Вырубленные в скале фигуры в ущелье Карабель близ Смирны, в которых Геродот видел трофеи Сезостриса, на самом деле являются памятниками завоеваний хеттов, и надписи, сопровождающие их, — иероглифы Каркемиша, а не Фив. Изображение на скале Сипила, которое, как утверждали гомеровские греки, показывает плачущую Ниобу, теперь оказывается изображением великой богини Каркемиша, а выгравированные рядом с ней картуши с надписями отчасти хеттскими и отчасти египетскими буквами показывают, что оно было вырублено во времена самого Рамсеса-Сезостриса. Теперь мы понимаем, как произошло, что, когда хетты в XIV веке до н. э. сражались с египетским фараоном, они могли позвать к себе на помощь среди других своих подданных-союзников дарданцев, мизийцев и мэонийцев, в то время как веком позже место дарданцев было занято «теккри», или тевкрами. Империя, а вместе с ней искусство и культура хеттов уже простиралась до самого Геллеспонта.

Хеттское искусство являлось модификацией архаического искусства Вавилона. Фактически эта особая форма раннего искусства, как уже давно известно, была характерна для Малой Азии. А вместе с этим искусством пришло и поклонение великой вавилонской богине в особом облике, который она приняла в Каркемише, а также учреждение вооруженных жриц — амазонок, как называли их греки, — которые служили богине, вооруженные щитом и копьем. Саму

⁴ Contemporary Review. December 1878.

⁵ * Хотя Каркемиш действительно был захвачен хеттами в XVI в. до н. э., называть его столицей хеттов неправильно.

богиню изображали особым, весьма любопытным образом, который мы находим уже на цилиндрах раннеисторической Халдеи. Богиню показывали в фас, обнаженной; ее руки лежали на грудях, а лоно было отмечено треугольником, а также круглым выступом под двумя другими, которые символизировали груди. Иногда она была снабжена крыльями, однако эта модификация представляется сравнительно поздней.

Свинцовое изображение этой богини, точно повторявшее ее образ в архаическом вавилонском и хеттском искусстве и украшенное свастикой рУ, было обнаружено доктором Шлиманом в руинах Илиона, то есть второго доисторического города на холме Гиссарлык. Та же самая фигура с колечками по обеим сторонам головы, но с лоном, орнаментированным точками вместо свастики, была вырезана на куске серпентина, недавно найденном в Мэонии и опубликованном г-ном Соломоном Рейнахом в *Revue Archeologique*. Здесь рядом с богиней стоит вавилонский Бел, и среди окружающих их вавилонских символов мы видим изображение одной из тех самых терракотовых «завитушек», большое количество которых было найдено доктором Шлиманом в Трое. Не нужно искать лучшего доказательства его гипотезы, согласно которой это были votive приношения верховной богине Илиона. Г-н Рэмзи обнаружил в Кайсари (Каппадокия) подобную же «завитушку», а также глиняные таблички, исписанные нерасшифрованной каппадокийской клинописью. Как показал доктор Шлиман в «Илионе», местным именем троянской богини, которую греки отождествляли со своей Афиной, было Атэ, а великая богиня Каркемиша именовалась Ати⁶.

«Совиноголовые» вазы также показывают, в слегка измененной форме, образ того же божества. Своеобразное лицо, а также три выступа под ним, расставленные в форме перевернутого треугольника, обычны в изображениях богини на цилиндрах первобытной Халдеи, в то время как крылья, являющиеся отличительной чертой этих ваз, находят себе параллели не только в гравированных камнях Вавилонии, но и в протянутых руках микенской богини. Более того, грубые идолы, которых так много обнаружил доктор Шлиман в Гиссарлыке, принадлежат к тому же типу, что и священные вазы, однако на них иногда изображены колечки богини, в то время как крылья по бокам отсутствуют. Эти идолы вновь появляются в несколько более развитой форме в Микенах, а также на Кипре и в других центрах архаической греческой цивилизации, где они свидетельствуют о гуманизирующем влиянии, которое распространилось по всему греческому миру от берегов Малой Азии. Благодаря открытиям доктора Шлимана теперь мы можем проследить художественный тип древней халдейской богини так, как он перешел от Вавилонии в Каркемиш и оттуда – в Троаду к самому Пелопоннесу.

Как и следовало ожидать, тот же тип встречается и на своеобразных цилиндрах, которые мы находим на Кипре, на южном берегу Малой Азии и вблизи Алеппо и Каркемиша и которые, как я показал в другом месте, имеют хеттское происхождение⁷.

⁶ См. мою статью «О памятниках хеттов» (*Hie Monuments of the Hittites // Transactions of the Society of Biblical Archaeology*. VII. 2. P. 259).

⁷ *Academy*. November 27. 1881 (P. 384); см. также: *Cesnola's Salamina*. P. 118 sq.; *Lenormant Fr. // Journal des Savants*. June 1883; *Gazette archeologique*. VIII. 5—6в (1883). Изображения на резных камнях относятся к хеттскому типу, который основывается на архаических вавилонских образцах, и нужно внимательно отличать его от того типа грубых изображений на геммах, которые иногда встречаются в Тире, Сидоне и других местах по сирийскому побережью, а также от так называемых двояковыпуклых гемм, которые в большом количестве можно найти на доисторических поселениях на Крите, Пелопоннесе и на островах Эгейского моря. Происхождение последних разъясняется с помощью печати из горного хрусталя, обнаруженной близ Бейрута и теперь находящейся в коллекции г-на Р.П. Грега: на ней нанесен тот же самый рисунок, что и на двояковыпуклой гемме из Микен, которая фигурирует в «Микенах» на рис. 175. Этот факт опровергает теорию, столь тщательно разработанную у Мильххефера в «Начале искусства в Греции». Искусство двояковыпуклых гемм должно быть финикийского происхождения. Однако только будущие исследования могут решить, не обязано ли оно было в конечном счете своим возникновением хеттам в то время, когда они граничили с Финикией. Некоторые изображения на геммах, судя по всему, явно отражают предметы аккадской или архаической вавилонской мифологии, однако это может быть обусловлено и прямым влиянием Вавилона, поскольку Саргон I из Аккад (который правил, как показали недавние исследования, еще в 3750 г. до н. э.) не только установил памятник своим победам на побережье Средиземного моря, но даже переправлялся на Кипр. Грубо обработанные камни Сирии, о которых я упоминал выше, могли быть работой того же самого местного населения, как и то, что вырублено

Здесь он нередко сочетается с символом бычьей головы, подобным тому, что так часто встречается в Микенах, где он постоянно ассоциируется с двойным топором, хорошо известной особенностью азиатского искусства. Подобный топор из зеленого нефрита был обнаружен на месте древнего Герейона близ Микен вместе с ногой небольшой статуи, в руке которой он, очевидно, некогда находился. Нога обута в туфлю с загнутым носком – теперь известно, что это отличительный признак хеттской и азиатской скульптуры. Двойной топор также изображен на знаменитом камне кольца, найденного доктором Шлиманом в Микенах: фигуры под ним обуты в сапожки с загнутыми носами и носят развевающиеся одеяния вавилонских жрецов. Весь рисунок на камне явно скопирован с азиатских вариаций какого-то раннего вавилонского цилиндра⁸.

Фактически присутствие небольших каменных цилиндров везде, где они встречаются, неоспоримо указывает на влияние первобытной Халдеи. Когда Ассирия и Финикия заняли, как цивилизующие державы, в Западной Азии место Вавилонии, цилиндры уступили место двояковыпуклым или конусообразным печатям. Поэтому обнаружение цилиндров в Илионе – еще одно доказательство того, к какому именно времени относятся доисторические руины Гиссарлыка, а также с какой именно чужеземной культурой были связаны его обитатели. Цилиндр, который фигурирует в «Илионе» на рис. 1522, особенно важен для археологов. Его орнаментация соответствует тому классу цилиндров, который сегодня мы можем обозначить как хеттские, и, сочетая египетский картуш с вавилонской формой печати, он выражает ту же самую художественную тенденцию, что проявляется в несомненно хеттских работах. Картуш той же своеобразной формы выгравирован на медном кольце, которое недавно было обнаружено доктором Максом Онефальп-Рихтером на Кипре. Здесь внутренность картуша заполнена примитивным изображением троянской богини – такой, какой ее показывают идолы Гиссарлыка, за единственным исключением: кипрский художник снабдил ее крыльями, подобными тем, что мы видим на вазах с совиными головами. В случае с цилиндром из Гиссарлыка, с другой стороны, внутри картуша нарисована фигура, которая любопытным образом напоминает схематично нарисованного скарабея или жука на хеттской печати, которая ныне находится во владении г-на Р.П. Грега. Цветок, изображенный рядом с картушем, можно сравнить с цветком на микенской печати, о котором я уже упоминал раньше, а также с другими на кипрских цилиндрах хеттского типа. Я уже упоминал о том, что так называемая свастика начертана на лоне свинцовой фигурки азиатской богини, найденной среди руин Илиона. Судя по всему, это говорит о том, что таинственный символ имеет хеттское происхождение, по крайней мере в том, что касается его использования в Илионе. То, что это действительно было так, доказывает открытие, сделанное в прошлом году г-ном У.М. Рэмзи в Ибризе, или Ивресе, в Ликаонии. Здесь на скале изображен царь, поклоняющийся богу Сандону, – в характерном стиле хеттского искусства и в сопровождении хеттских надписей. Его одеяния богато орнаментированы, и по ним идет длинный ряд троянских свастик. Хорошо известно, что тот же символ встречается и на архаической керамике Кипра, где он, судя по всему, первоначально изображал летящую птицу, а также на доисторических древностях Афин и Микен, однако в Вавилонии, Ассирии, Финикии и Египте он был совершенно неизвестен. Таким образом, свастика должна была зародиться в Европе и распространиться на восток через Малую Азию или же на запад из первоначальной родины хеттов. Последняя возможность более вероятна, но так это или нет, присутствие этого символа на Эгейской земле указывает на определенную эпоху и на влияние дофиникийской культуры.

Можно было ожидать, что в золотых изделиях Илиона будут видны некоторые следы влияния иностранного искусства, от которого в конечном счете ведут свое начало идолы и

любопытные скульптуры в Вади-эль-Хаккаб и Канах близ Тиры.

⁸ Schliemann. Мусепае. № 530. См. также: Academy. Aug. 25. 1883. P. 135.

цилиндры. И я считаю, что это именно так. Орнамент на золотом навершии посоха, приведенном в этом томе на рис. 38, в точности напоминает орнамент солярного диска на упомянутой мною выше мэонийской пластинке из серпентина. Таким же образом солнечный диск изображен на гематитовом цилиндре из Каппадокии, который теперь находится в моем владении; можно проследить путь этого орнамента в глубь времен через хеттские монументы к ранним цилиндрам Халдеи. Однако в Микенах мы тщетно будем искать эту, казалось бы, столь простую вещь: единственные найденные здесь орнаменты, которые можно связать с этим, – это сложные узоры, воспроизведенные в «Микенах» доктора Шлимана на рис. 417 и 419. Здесь древний азиатский узор служит вспомогательным орнаментом при финикийском орнаменте из морских раковин.

Предшествующие соображения достаточно точно устанавливают самый поздний период, к которому мы можем отнести падение второго доисторического города на Гиссарлыке. Оно не могло случиться позднее чем в X веке до начала христианской эры; и скорее всего – не позднее XII. Еще до X века до н. э. финикийцы основали процветающие колонии на Фере и Мелосе и начали разрабатывать рудники Фасоса; таким образом, невероятно, чтобы Трояда и находившийся там крупный город остались им неизвестны. Дата разрушения Трои у Эратосфена – 1183 год до н. э. – хотя и основана на данных, которые мы не можем принять, но в то же время великолепно согласуется с археологическими указаниями, которыми снабдили нас раскопки доктора Шлимана, а также свидетельства египетских документов.

Однако мне лично трудно поверить, что это могло случиться раньше. Надписи, о которых я говорил в третьем приложении к «Илиону», делают эту гипотезу невероятной. Я показал, что так называемый «кипрский силлабарий» является всего лишь ветвью системы письма, которая некогда использовалась в большей части Малой Азии до введения финикийско-греческого алфавита, которую я, соответственно, предложил называть «азианическим силлабарием». Палеографический гений Ленормана и Дееке уже позволил им понять, что многие местные алфавиты Малой Азии содержали кипрские буквы, добавленные, чтобы выражать звуки, для которых не было букв в финикийском алфавите; однако теория доктора Дееке относительно происхождения и возраста кипрского силлабария помешала ему уяснить полное значение этого факта. И мне пришлось указать, что, во-первых, этих букв было гораздо больше, чем первоначально предполагали; во-вторых, многие из них были не модификациями, а параллельными формами соответствующих кипрских букв, и, в-третьих, они представляли собой пережитки более древнего способа письма, который заменил финикийско-греческий алфавит. Я также указал – идя здесь по следам Хауга и Гомперца, – что по меньшей мере на трех предметах, найденных доктором Шлиманом на Гиссарлыке, а возможно, также и на других, были обнаружены буквы, относящиеся фактически не к кипрской разновидности азианического силлабария, а к тому, что можно назвать ее троянской разновидностью. До сих пор факты и указания совершенно ясны.

Однако затем я испытал искушение пойти дальше и предположить, что сами истоки азианического силлабария следует искать в хеттской иероглифике. С тех пор как было опубликовано приложение, эта последняя моя гипотеза получила поразительное подтверждение. Полтора года назад я представил в Обществе библейской археологии доклад, в котором с помощью двуязычной надписи попытался определить значение некоторых хеттских знаков. Среди них было восемь таких, которые – если мой метод расшифровки справедлив – обозначали или гласные, или одиночные согласные, за каждой из которых следовала одна гласная. Несколько месяцев спустя по совету доктора Исаака Тейлора я сравнил формы этих восьми знаков с формами тех букв кипрского силлабария, которые означали то же самое. Результат самым неожиданным образом подтвердил мои заключения: в каждом случае форма оказалась практически идентичной. Те, кто желает убедиться в правоте моих утверждений, могут сделать это, сверившись с

недавно опубликованной работой доктора Исаака Тейлора «Алфавит», где соответствующие хеттские знаки показаны бок о бок (*Taylor I. The Alphabet. Vol. 2. P. 123*)⁹.

Итак, если хеттские иероглифы окончательно можно считать источником азианического силлабария, то очевидно, что лидийцы или троянцы могли начать использовать его, лишь когда прошло некоторое время после того, как завоеватели из Каркемиша вырезали свои надписи на скале Сипила и на утесах Карабеля. Картуш Рамсеса II, недавно обнаруженный доктором Голлобом около так называемого изображения «Ниобы», а также тот факт, что эта последняя является очевидным подражанием сидящей фигуре Нефертари, супруги Рамсеса II, изображенной на скале близ Абу-Симбела, говорит о том, что этот период относится к XIV веку до н. э. Должно быть, между этой датой и временем, когда были созданы надписи из Гиссарлыка, прошло по меньшей мере столетие.

Я мало что могу добавить или изменить в приложении к «Илиону», где речь шла о троянских надписях. Однако прочтение надписи на терракотовой печати, воспроизведенной на рис. 1519, 1520 «Илиона», теперь стало достоверным благодаря двум глубоко вырезанным и большим по размеру надписям на терракотовых гирях, находящихся сейчас во владении г-на Р.П. Грега и происходящих якобы из Гиссарлыка. Знаки, во всяком случае, напоминают надписи из Гиссарлыка, и перед тем, как гири попали в руки г-на Грега, были не видны из-за грязи. Они устанавливают, что надписи на печати следует читать как E-si-re или Re-si-e; возможно, это имя первоначального владельца. Кроме того, слово на патере, найденной в некрополе Фимбрии, которое я предположительно прочел как Levon или Revon, доктор Дееке теперь читает как pstco – несомненно, правильно.

Я больше не склонен причислять алфавит Каппадокии к тем, что сохранили некоторые знаки старого азианического словаря. Г-н Рэмзи скопировал надпись в Эйюке, которая вполне доказывает, что надпись, приведенная у Гамильтона, плохо скопирована и что те знаки в ней, которые напоминают буквы кипрского силлабария, возможно, отсутствовали в оригинальном тексте. Фактически надпись г-на Рэмзи показывает, что каппадокийский алфавит – это то же, что и фригийский, и что оба происходят, как он указывает, от раннего ионийского алфавита VIII века до н. э., использовавшегося торговцами Синопа. Поскольку у меня теперь появились сомнения и относительно киликийского алфавита, то число алфавитов Малой Азии, которые, несомненно, содержат знаки азианического силлабария, ограничивается алфавитами Памфилии, Ликий, Кари, Лидии и Мизии. Заметим, что они образуют неразрывную цепь вокруг западных и юго-западных берегов Малой Азии и что дальше эта цепь продолжается на Кипре. Карийский алфавит, хотя в основном еще и не дешифрованный, был определен с большой точностью в ходе последних двух или трех лет последовательных открытий новых надписей, и недавно я сам сделал в связи с этим открытие, которое может привести к интересным результатам. В Северном Египте обнаруживается особенный тип скарабеев, на которых схематично вырезаны некоторые любопытные знаки, которые весьма и весьма напоминают фигуры на некоторых гиссарлыкских «завитушках». Это «искусство» (если его вообще можно назвать искусством) в корне отличается от «хеттских» цилиндров Кипра или от очень грубых печатей, которые находят на побережье Сирии и даже далеко к западу, в лидийском слое Сард. На одном таком скарабее из коллекции г-на Грега я нашел длинную надпись четко вырезанными карийскими буквами, и осмотр другого скарабея того же типа позволил определить еще несколько знаков, часто встречающихся в карийских текстах. Таким образом, наконец хоть что-то теперь известно о местном искусстве юго-западного уголка Малой Азии, и сравнение его с резьбой

⁹ Мне особенно приятно было узнать, что доктор Дееке в своей последней работе о кипрских надписях (*Deecke. Sammlung der griechischen Dialekt-Inschriften. Collitz. V. I. S. 12*) отказался от своей теории о клинописном происхождении кипрского письма в пользу моей, хеттской.

на троянских «завитушках» может впоследствии помочь нам лучше различать европейские, хеттские и местные азиатические элементы в искусстве и культуре Илиона.

Один из наиболее любопытных фактов, проясненных раскопками доктора Шлимана, – это то, что даже разрушение второго города не принесло с собой разрыв в континуитете религии и искусства среди последующих поселенцев на Гиссарлыке. Идолы и вазы с совиными головами, а также «завитушки», продолжали изготавливаться и использоваться обитателями третьего, четвертого и пятого поселения. Даже если отбросить геологические данные, очевидно, что это место и не могло долго оставаться заброшенным. Его окружала аура древних традиций, и, хотя сюда приходили новые люди, среди населения должны быть и какие-то наследники прежних жителей. Даже оратор в пылу красноречия мог назвать «необитаемым» лишь нижний город, а не сам Пергам. Мы видим первый пробел, лишь когда подходим к тому слою, который доктор Шлиман назвал «лидийским». Второй и более важный пробел – это греческий город.

Сам греческий город прошел не одну стадию роста и упадка. В нижней части его руин, которая лежит не более чем на шесть футов ниже, чем теперешняя верхняя поверхность холма (за исключением, конечно, его боков), мы находим ту архаическую эллинистическую керамику, которая всегда отмечает местоположение раннего греческого города. С ней смешана керамика другого вида, судя по всему, местного производства, которая, однако, не может быть датирована раньше чем IX век до н. э. В то время, когда использовалась эта керамика, эолийский Илион, как и четыре предшествовавшие ему деревни, все еще ограничивался старым Пергамом. Те, кто посещал места, где некогда находились ранние греческие города Малой Азии, легко поймет, что так это и должно было быть. Эолийских колонистов Гиссарлыка было немного, как и эолийцев старой Смирны или Ким, ресурсы, находившиеся в их распоряжении, были скудными; они жили среди враждебного населения или могли опасаться нападений пиратов с моря. Поэтому они выбирали на местности самый изолированный холм, который легко было защищать, и там селились. Однако эта вершина, как и в других случаях, всегда была близко к морю. Когда армии Ксеркса проходили через Троаду, эолийский город, судя по всему, еще не распространился на лежащую ниже равнину. Давно заброшенный нижний город доисторического Илиона снова был застроен лишь в македонскую эпоху.

В адрес доктора Шлимана выдвигались какие-то туманные обвинения в том, что он якобы затемняет факты своими теориями: публику предупреждали, что нужно-де строго различать теории, которые выдвигает Шлиман, и факты, которые он открыл. В действительности винить в придумывании не подкрепленных фактами теорий нужно не доктора Шлимана, а самих критиков. По сравнению с большинством исследователей он поразительным образом свободен от распространенной ошибки – поспешных обобщений, или, что гораздо хуже, подгонки фактов к заранее заготовленным теориям. Восхищение поэмами Гомера и растущее убеждение в том, что если гомеровская Троя когда-либо существовала, то это могло быть только на Гиссарлыке, едва ли можно назвать «теориями». Его работы по большей части – это фиксация фактов, которые связаны друг с другом с помощью тех индуктивных выводов, которые обязывают нас делать научный метод современной археологии. И наш археолог, с его истинно научным духом, никогда не останавливался перед тем, чтобы вносить изменения в эти выводы каждый раз, когда представлялось, что этого требует открытие новых фактов. В то же самое время он полностью и честно предоставлял нам сами факты, так что читатели всегда сами могли убедиться в достоверности выводов, которые он делал на их основании. Запретить исследователю делать любые предположения, которые поддерживаются лишь возможными или вероятными данными, – значит лишать его привилегии, которая есть и у самих его критиков, и у любого настоящего ученого. Однако такие предположения у него очень редки, и сам тот факт, что о них так много говорят, заставляет меня подозревать, что у критиков нет тех археологических знаний, которые позволили бы им отличить возможную или вероятную теорию от вывода, обусловленного фактами. Особая керамика, найденная непосредственно под грече-

ским слоем, доказывает археологу более убедительно, нежели любые архитектурные остатки, что между пятым поселением и греческим городом некогда существовало отдельное, независимое поселение, точно так же как предметы, найденные на равнине под городом, доказывают, что греческий город должен был некогда доходить до этих мест, хотя стены, которыми он был окружен, ныне полностью исчезли. С другой стороны, теория, согласно которой это поселение было основано лидийцами, – всего лишь теория, которую и сам доктор Шлиман выражает со всеми необходимыми оговорками.

Один из наиболее огорчительных признаков распространенного в нашей стране невежества в области доисторической археологии и археологии Леванта – это критические замечания по поводу «Илиона» в респектабельных английских изданиях. Только в Англии иные известные авторы могут позволять себе бросаться голословными суждениями и предлагать свои собственные теории по археологическим вопросам, даже не потрудившись ознакомиться с элементарными основами того предмета, о котором они берутся разглагольствовать. Что же можно сказать о критике, который даже не знает разницы между доисторической и эллинской керамикой, с одной стороны, или архаической и классической греческой керамикой – с другой и при этом еще и прикрывает свое незнание ошибочными цитатами из известного французского археолога, который специально занимается ранней керамикой Леванта? Английская публика, конечно, готова подумать, что у человека, который имеет репутацию большого ученого, есть полное право выражать свое мнение буквально обо всем на свете. На самом же деле он, не имея необходимой предварительной подготовки, знает об этих делах столько же, сколько и сама публика, и его писания на эту тему – не что иное, как новая форма шарлатанства. Способность переводить с древнегреческого и латинского или сочинять греческие и латинские стихи отнюдь не помогает ученому решать археологические проблемы – не больше, чем это помогло бы ему переводить гимны «Ригведы» или расшифровывать клинопись. В последнее время по поводу открытий доктора Шлимана в Гиссарлыке выдвигались теории, которые делает серьезными только солидность тех печатных органов, где они появились. Иные не моргнув глазом утверждали, что пятый слой руин представляет македонский Илион, который был разрушен Лисимахом около 300 года до н. э., а затем захвачен Фимбрией в 85 году до н. э., в то время как четвертый город посещал

Ксеркс, а третий город – это древнее эолийское поселение. Читатель, даже не претендующий на знание археологии, должен лишь просмотреть гравюры, столь щедро рассыпанные по страницам «Илиона», чтобы самостоятельно оценить ценность подобных гипотез или археологических знаний, которые лежат за ними. Керамика, терракотовые «завитушки», идолы, оружие и оружие из камня и кости, обнаруженные в доисторических слоях Гиссарлыка, – все это никогда не находили и вряд ли найдут в каком-либо греческом городе, пусть даже и доисторическом. Мы тщетно будем искать их в Микенах, Орхомене, Тиринфе или в ранних гробницах Спарты и Мениди, Родоса и Кипра. С другой стороны, отличительные черты греческой повседневной жизни также отсутствуют: нет ни монет, ни ламп, ни алфавитных надписей, ни орнаментов классической эпохи; нет эллинской керамики, будь она архаической или более поздней. Теперь мы вполне точно знаем, каковы были предметы, которые оставляли после себя греки и их соседи на Леванте в течение шести веков, предшествовавших началу христианской эры; и – в частности, благодаря трудам доктора Шлимана – мы даже можем проследить искусство и культуру этого периода далее, в глубь времен, к периоду, который впервые был открыт для нас раскопками в Микенах. Сейчас, когда археология стала наукой и ее фундаментальные факты уже нашли прочную основу, слишком поздно возвращаться к дилетантскому антикварианизму пятидесятилетней давности. Тогда действительно было возможно выдвигать теории, которые были плодом воображения не ученого, но литератора, и строить дома из соломы на фундаменте из зыбкого песка. Однако время подобных забав давно ушло; изучение отдаленного прошлого перешло из области литературы в область науки, и те, кто занимается этой нау-

кой, должны вооружиться научным методом и научным духом, должны погрузиться в скучную и монотонную предварительную подготовку и должны уметь сочетать труды таких людей, как Эванс и Леббок или Вирхов и Роллестон, с результатами, которые год за годом поступают к нам с Востока. Искать македонский город в пятом доисторическом поселении Гиссарлыка – это все равно что искать кладбище елизаветинских времен среди курганов долины Солсбери: археолог может взглянуть на такой парадокс лишь с улыбкой.

Э.Г. Сэйс

Оксфорд, октябрь 1883 г.

Глава I

Рассказ об исследованиях Трои и Трояды в 1882 году

Ее императорскому и королевскому высочеству ВИКТОРИИ, кронпринцессе Германской империи, кронпринцессе Пруссии, принцессе-цесаревне Великобритании и Ирландии, герцогине Саксонской, светлейшей покровительнице наук и искусств, посвящает эту книгу с глубочайшим почтением.

Автор

Место на карте – это фрагмент истины, оставленный давно минувшими событиями. Нередко оно подобно ископаемой кости, по которой можно восстановить скелет прошлого, и картина, которую История передает нам лишь в неясных контурах, ярко выступает перед нами.

Мольтке. Книга странствий

Мне казалось, что мои раскопки на холме Гиссарлык в 1879 году вместе с профессором Рудольфом Вирховом из Берлина и г-ном Эмилем Бюрнуфом из Парижа навсегда решили троянский вопрос. Я думал, что доказал, что тот маленький город, третий по счету от материка, основания домов которого я обнаружил на глубине в среднем 7–8 метров под руинами четырех более поздних городов, которые в ходе веков следовали один за другим на том же самом месте, и должен быть Илионом из легенды, который обессмертил Гомер, и я поддерживал эту теорию в своей книге «Илион», которую опубликовал в конце 1880 года. Однако после этой публикации у меня возникли сомнения – не относительно положения Трои, поскольку я был уверен, что она находилась именно на Гиссарлыке, – относительно размеров города, и со временем мои сомнения усилились. Вскоре я уже больше не мог верить в то, что божественный поэт, который с правдивостью очевидца, оставаясь верным природе, начертил не только равнину Трои с ее мысами, реками и могилами героев, но и всей Трояды с ее многочисленными народами и городами, с Геллеспонтом, мысом Лект, Идой, Самофракией, Имбросом, Лесбосом и Тенедосом, а также весь могучий ландшафт страны, – что тот самый поэт мог изображать Илион великим¹⁰, веселым¹¹, процветающим и многонаселенным¹², хорошо застроенным¹³ городом с большими улицами¹⁴, если в действительности это был всего лишь небольшой городок – столь небольшой, что даже если предполагать, что его дома, которые, судя по всему, были построены как современные деревенские дома Трояды (и, как и они, были всего лишь одноэтажными), могли достигать шести этажей, то все равно здесь не могли обитать 3000 человек. Если бы Троя действительно была всего лишь маленьким укрепленным местечком, таким, как показывают нам руины третьего города, несколько сот человек легко могли бы взять ее за несколько дней, и вся Троянская война с ее десятилетней осадой должна быть или полной выдумкой, или иметь лишь слабое основание в действительности. Я не мог принять ни одну из этих гипотез, ибо я считал невозможным, что в то время как на берегах Азии было столько больших городов, катастрофа, произошедшая с маленьким городком, могла так подействовать на воображение

---

¹⁰ «В Приамовом граде великом». (Iliada. II. 332, 803; здесь и далее цитаты из «Илиады» приводятся в переводе Н. Гнедича.)

¹¹ «В веселую Трою». Там же. V. 210.

¹² «Град, устроением пышный». Там же. XIII. 380.

¹³ «Высокоотвердынную Трою Приама». Там же. XXI. 433.

¹⁴ «Трои с широкими стогами града». Там же. II. 141.

бардов, что легенда об этом событии могла пережить века и дойти до Гомера, который увеличил ее до гигантских размеров и сделал предметом своих божественных поэм.

Кроме того, все предания древности о Троянской войне были единодушны, и это единодушие слишком характерно, чтобы не быть основанным на базе позитивных фактов, которые столь высокий авторитет, как Фукидид¹⁵, считает реальной историей. Традиция была единодушна даже в утверждении, что взятие Трои произошло за восемьдесят лет до дорийского вторжения на Пелопоннес. Более того, как я уже упоминал в «Илионе» (см.: Илион. Т. 1. С. 194), египетские документы дают нам исторические данные, по которым Илион и царство Троя должны были существовать в действительности: ведь и в поэме Пентаура, и в иератическом папирусе Салье, хранящемся в Британском музее, среди союзников, которые пришли на помощь хеттам (или «хита») под стенами Кадета на Оронте в пятый год царствования Рамсеса II (ок. 1333–1300 до н. э.)¹⁶*, упоминаются дарданы, или данданы (дарданцы), и народ Илуны (Илион)¹⁷, а также «лику» (ликийцы) и народ Пидасы (Педас), Керкеш или Гергеш (гергитяне), «масу» (мизийцы) и «акерит» (карийцы)¹⁸. Еще больше меня поразило то, что именно эти народы упоминаются во второй книге «Илиады» как помощники троянцев в обороне города. Таким образом, можно считать установленным фактом, что в Троаде, возможно в XIV веке до н. э., существовало царство дарданов, один из главных городов которого именовался Илионом; это царство считалось одним из наиболее могущественных в Малой Азии и посылало своих воинов в Сирию, чтобы они сражались там с египетскими войсками, защищая Азию. Это прекрасно согласуется и с Гомером: фактически вся греческая традиция говорит о могуществе Трои. Кроме того, профессор Генрих Бругш-паша говорит о том¹⁹, что в настенных росписях и надписях на пилоне храма Мединет-Абу в Фивах можно видеть две группы из тридцати девяти народов, стран и городов, которые объединились в конфедерацию против Рамсеса III (ок. 1200 до н. э.), вторглись в Египет и были побеждены этим фараоном. В первой группе фигурируют народы под названием «пуросата» или «пулосата» (пеласги – филистимляне!), «текри», «теккари» (тевкры)²⁰ и «данау» (данайцы?). Во второй группе профессор находит имена, представляющие для нас особый интерес: «Аси», что напоминает о названии Асса, мизийского города в Троаде, или же Исса, древнего имени Лесбоса, который также относился к Троаде, или Исса в Киликии; Керена, или Келена, видимо, тождественная троянской Колоне; «У-лу», который также напоминает Илион и, видимо, тождественно с ним; «Кану», возможно, Кавн в Кари; «Л(а)рес», Ларисса, что может оказаться троянским городом Ларисса, или

Лариса (но городов с таким названием было много); «Маулн» или Мулн, что напоминает киликийский Малл; «Атена» – возможно, Адана; и Каркамаш, который профессор Бругш отождествляет с Корацезием (оба также в Киликии)²¹. Замечателен тот факт, к которому уже привлекал внимание г-н Франсуа Ленорман²², – что дарданцы, которые занимают такое видное место среди коалиции против Рамсеса II, не фигурируют в тех группах завоевателей, кото-

¹⁵ Фукидид. I. 10, 11.

¹⁶ По современным данным, Рамсес II царствовал в первой половине XIII в. до н. э., то есть чуть позже, чем сказано у Шлимана.

¹⁷ Профессор Генрих Бругш-паша в своем приложении к моему «Илиону» (с. 746, 747) признает идентичность дарданов с дарданцами или троянцами, лику – с ликийцами, Пидасы – с троянским городом Педас, Керкеша или Гергеша с гергитянами Троады, масу – с мизийцами, однако он скептически относится к отождествлению Илиона с Илуной (Илиуна, Ириуна), ибо считает, что последнее название нужно исправить на Мауна, Мавон – то есть меонийцев, или мэонийцев (древних лидийцев).

¹⁸ Франсуа Ленорман в журнале «Академи» за 21 и 28 марта 1874 г. утверждает, что «акерит», возможно, следует отождествлять с карийцами.

¹⁹ В своем приложении к «Илиону» (т. 2, с. 501–503).

²⁰ Профессор Бругш-паша не сомневается относительно тождественности текров, или теккаров, с теvkрами.

²¹ Профессор Сэйс напомнил мне, что другие египтологи отождествляют «Каркамаш» с Каркемишем, хеттской столицей на Евфрате.

²² Academy. 1874. March 21, 28.

рые сражались чуть больше века спустя против Рамсеса III, и что на их месте появляются тевкры. Не могло ли это изменение в имени троянцев быть вызвано войной и падением Трои и уничтожением или рассеянием ее народа? Следует, однако, заметить, что Геродот всегда именует древних троянцев эпической поэзии «тевкрами», в то время как римский поэт использует названия «тевкры» и «троянцы» как синонимы.

Это всеобщее свидетельство могущества и величия Трои подкрепляется еще одним доказательством: теми десятками кладами золотых украшений, которые я обнаружил во время своих раскопок на Гиссарлыке, подтверждая тем самым эпитет πολύχρυσος («многозлатная»), который Гомер дает Трое. Таким образом, я решил продолжить раскопки на Гиссарлыке еще в течение пяти месяцев, дабы разгадать эту загадку и окончательно решить важный троянский вопрос. Поскольку фирман, который я получил летом 1878 года с великодушной помощью моего досточтимого друга сэра Э.Г. Лэйарда, в то время английского посланника в Константинополе, уже закончился, летом 1881 года я прибег к его высочеству князю Бисмарку, и благодаря его благожелательному вмешательству в конце октября того же года я получил новый фирман, позволявший мне продолжать раскопки в Гиссарлыке и на месте нижнего города Илиона. В качестве дополнения к фирману он получил для меня позволение на несколько месяцев производить одновременно с исследованием Трои раскопки в любом другом месте Троады, в котором я пожелаю, при том условии, что они будут ограничиваться одним местом в один промежуток времени и будут производиться в присутствии турецкого представителя. Чтобы сохранить для науки любые сведения, которые можно было получить из древних архитектурных остатков, я принял на службу двух выдающихся архитекторов – доктора Вильгельма Дерифельда из Берлина, который в течение четырех лет заведовал технической частью раскопок Германской империи в Олимпии, и г-на Иозефа Хефлера из Вены. Оба они были лауреатами первых премий в своих академиях и получили государственные стипендии на научные поездки в Италию. Ежемесячная зарплата первого составляла 35 фунтов, второго – 15 фунтов плюс дорожные расходы. Я также нанял троих способных надсмотрщиков: двое из них были пелопоннессцами, которые уже работали и отличились в том же качестве на раскопках в Олимпии; один из них, Грегориос Базилопулос, уроженец Магулианы близ Гортинии, получил за свою троянскую кампанию прозвище Ила; другой, Георгиос Параскевопулос, уроженец Пиргоса, был окрещен Лаомедонтом. Великанский рост и геркулесова сила последнего оченьгодились мне: они внушали почтительный страх моим рабочим и заставляли их слепо повиноваться ему; каждый из рабочих получал 150 франков ежемесячно. В качестве третьего надсмотрщика я нанял г-на Гюстава Баттю, сына Баттю, покойного французского консула в Дарданеллах, с месячной зарплатой 300 франков. К счастью, в июне 1879 года я оставил в Гиссарлыке турецкого охранника, который следил за деревянными бараками и амбаром, в котором хранились все мои приспособления и инструменты для раскопок. Таким образом, я нашел все в полном порядке, и мне оставалось только покрыть свои домики новым непромокаемым войлоком. Поскольку все они стояли одним непрерывным рядом, велика была опасность пожара. Итак, я разделил их и поставил в разных местах, так что в случае, если бы один барак загорелся, огонь не дошел бы ни до одного из остальных даже при самом сильном ветре. В бараке, где жил я и мои слуги, было пять комнат, две из которых занял я; в другом было две, в третьем – три и в четвертом – четыре спальни. Таким образом, у нас было много места, и мы также могли с удобством разместить семерых гостей. Один барак, состоявший лишь из одной комнаты, служил нам обеденным залом, и мы называли его этим гордым именем, хотя на самом деле он был сколочен из грубых досок, в щели между которыми постоянно задувал ветер, так что нередко мы даже не могли зажечь лампу или свечу. Другой большой барак служил хранилищем древностей, которые надлежало разделить между Императорским музеем в Константинополе и мною. Мои досточтимые друзья, господа Д. Генри Шредер и компания в Лондоне, любезно прислали мне большой запас консервов: чикагскую солонину, персики, лучший английский сыр и говяжьи

языки, а также 240 бутылок лучшего английского некрепкого эля²³. Мы всегда могли получить свежую баранину, и, поскольку троянское вино из деревень Ени-Шехр, Ени-Кей и Рен-Кей великолепно и превосходит даже лучшее бордоское вино, нам хватало хорошей еды; однако что касается овощей, мы могли достать только картофель и шпинат: первый не выращивают на всей Троянской равнине, и его приходилось возить из города Дарданеллы, куда его, видимо, импортируют из Италии. Кажется очень странным, что крестьяне Трояды, как греки, так и турки, не едят картофель, хотя земля вполне годится для его выращивания, и используют вместо него хлеб. В июне и июле крестьяне снабжали нас большим количеством черной белены, фасоли и артишоков, которые, судя по всему, являются едва ли не единственными овощами, которые они выращивают, помимо шпината. Судя по всему, в Трояде не сажают зеленый горошек, поскольку я мог купить его только в июне и июле в Дарданеллах, куда его привозят по морю.

Я слышал, что эта страна буквально кишит мародерами и бандитами; кроме того, постоянные случаи разбоя в Македонии, когда разбойники похищали состоятельных людей и требовали за них большой выкуп, заставили меня бояться чего-то подобного и в Гиссарлыке. Следовательно, я потребовал, чтобы меня охраняли по меньшей мере одиннадцать жандармов. Во время раскопок на Гиссарлыке в 1878 и 1879 годах меня постоянно охраняли десять жандармов; но это все были беженцы из Болгарии и Албании, и я не мог довериться таким людям. Таким образом, я обратился к Гамиду-паше, гражданскому губернатору Дарданелл, с тем чтобы он предоставил мне одиннадцать самых надежных людей, каких только сможет найти, в качестве охраны. По его позволению их выбрал для меня среди самых сильных и надежных турок Дарданелл его первый драгоман и политический агент г-н Николаос Дидимос. Платил я им 30 фунтов 10 шиллингов в месяц. Так что теперь у меня было одиннадцать храбрых и сильных жандармов: все они были хорошо вооружены винтовками, пистолетами и кинжалами. Винтовки у них были не совсем последнего образца, поскольку по большей части у них был лишь кремневый замок; однако у некоторых имелись винтовки Минье, которые, как они похвалялись, им случалось использовать в Крымской войне. Однако все эти недостатки восполнялись храбростью моих людей, и я полностью доверял им, ибо был уверен, что они будут отважно защищать нас, даже если на наш лагерь нападет целый отряд бандитов. Их возглавлял капрал (по-турецки «чавуш»), который командовал другими десятью жандармами и назначал дневные и ночные дежурства. Трое из этих жандармов всегда сопровождали меня каждое утро перед восходом, когда я купался в Геллеспонте, на Каранлыке, на расстоянии четырех миль. Поскольку я всегда ехал рысцей, им приходилось бежать достаточно быстро, чтобы не отставать от меня. Таким образом, эти ежедневные пробежки были весьма утомительны для них, и я платил им дополнительно каждое утро по семь шиллингов. Кроме того, я использовал жандармов для того, чтобы они тщательно присматривали за моими рабочими в траншеях, и никогда не позволял производить раскопки без того, чтобы за ними не наблюдал хотя бы один жандарм. Так я заставлял своих рабочих быть честными, поскольку они знали, что если их поймут на воровстве, то они попадут в тюрьму. Я разместил моих одиннадцать жандармов в большом деревянном бараке, покрытом непромокаемым войлоком, который я построил для них рядом с каменным домом, где находилась кухня и комната моего казначея, и таким образом, они размещались примерно в центре моего лагеря. Но так как среди них были постоянные раздоры, то некоторые предпочитали спать на открытом воздухе даже в самую холодную погоду, чем выносить общество своих товарищей.

---

²³ Я был единственным потребителем этих 240 бутылок слабого эля, которых хватило на пять месяцев и которые я использовал в качестве лекарства от запора, от которого страдал уже больше тридцати лет. Мне становилось только хуже от всех других лекарств, в особенности от минеральных вод Карлсбада, это лечение слабым элем оказалось в высшей степени эффективным.

В качестве мажордома и казначея я снова нанял Николаоса Зафироса Гианнакеса из деревни Рен-Кей, который служил мне в том же качестве во всех моих археологических кампаниях в Троаде с марта 1870 года. Увидев теперь, что мне без него не обойтись, он согласился работать на меня не меньше чем за 15 фунтов в месяц плюс питание; однако я с радостью согласился на эти условия, а также подарил ему при отъезде все свои бараки в Гиссарлыке, поскольку это абсолютно честный человек, и в качестве казначея и мажордома в большом лагере в диком месте или в исследовательских экспедициях ему нет равных. Однако заработная плата была наименьшей выгодой, которую он получал от меня, поскольку имел еще огромные доходы с магазина, который держал от его имени его брат и где он продавал моим рабочим в кредит хлеб, табак и бренди: эти долги он всегда вычитал у них при оплате в субботу вечером.

Я привез с собой из Афин великолепного слугу по имени Эдипус Пиромаллес, уроженца Занте, которому платил 2 фунта 16 шиллингов, а также кухарку по имени Иокаста, которая получала 1 фунт 12 шиллингов в месяц. У меня также был колесный мастер, который получал 9 фунтов в месяц, и плотник, который получал 4 фунта в месяц. Я привез с собой из Афин хорошего верхового коня, который прекрасно переносил все тяготы пятимесячной кампании, но в последнюю неделю не выдержал, так что мне пришлось оставить его там. Конюшни находились на южной стороне, напротив кладовой и каменной кухни.

Мои рабочие инструменты состояли из сорока железных ломов, некоторые из них 2, 25 метра в длину и 0,05 метра в диаметре²⁴, двух домкратов; сотни больших железных лопат и стольких же мотыг; пятидесяти больших тяпок (которые я здесь называю их турецким словом «чапа»), таких, которые используют в виноградниках и которые были мне очень полезны при насыпании щебня в корзины; лебедки; 100 тачек, большинство из них – с железными колесами; двадцати тележек, которые тащил один человек и двое подталкивали сзади, а также нескольких тележек, запряженных лошадьми. Поскольку я должен был снабжать своих рабочих хорошей питьевой водой, у меня был рабочий и мальчик, которые были заняты исключительно тем, что приносили воду из ближайшего источника²⁵ на расстоянии 365 метров от Гиссарлыка. Работа мальчика была наполнять бочонки; мужчина грузил два бочонка сразу на осла и вел его к траншеям или баракам; воды потребляли так много, что в жаркую погоду он едва успевал принести достаточно воды, хотя одновременно использовалось десять бочонков.

Экипировавшись и устроившись таким образом, я вновь начал раскопки 1 марта – со 150 рабочими, которых оставалось примерно столько же в ходе всех пяти месяцев троянской кампании 1882 года. Кроме того, я использовал большое количество бычьих упряжек и тележек. Ежедневная плата моим рабочим, которая сначала составляла 9 пиастров, или 1 шиллинг 7 пенсов, постепенно увеличивалась в ходе сезона и в горячие летние месяцы равнялась 11 и 12 пиастрам, то есть примерно 2 шиллингам. За телеги, запряженные быками и лошадьми, я платил по одному пиастру, то есть 2 ¹/₁₀ пенса за каждый груз. Работа регулярно начиналась на рассвете и продолжалась до заката. До 12 апреля никакого отдыха не позволялось, кроме одного часа на обед, однако, когда дни стали длиннее, после пасхальных праздников, я дал еще полчаса в 8.30 утра на завтрак: последний перерыв с 1 июня вырос до часа.

Поскольку работа с мотыгой – самая тяжелая, я всегда выбирал для нее самых сильных рабочих; остальные работали с тачками, ссыпали щебень в корзины, грузили телеги, везли или толкали тележки и сбрасывали мусор.

Рабочие были по большей части греки из близлежащих деревень Калифатли, Ени-Шехр и Рен-Кей; некоторые из них были с островов Имброс и Тенедос или с фракийского Херсонеса. Рабочих-турок у меня было в среднем только человек двадцать пять; и я был бы рад,

²⁴ Обращаю внимание читателя на то, что я даю все меры согласно метрической системе. Английские соответствия можно найти в таблице, предшествующей данной работе. (В настоящем издании эта таблица опущена за ненадобностью. – Пер.)

²⁵ См.: Илион. Т. 1. С. 175.

если бы их было больше, ибо они работают гораздо лучше, чем азиатские греки, они честнее и, кроме того, были очень выгодны для меня тем, что работали по воскресеньям и в многочисленные церковные праздники, когда ни один грек не станет работать ни за какую цену. Кроме того, поскольку я всегда мог быть уверен, что они будут работать с неизменным усердием и их никогда не надо будет понукать, я мог позволить им рыть все шахты и давать им другую работу, в которой мое наблюдение было невозможно. По всем этим причинам я всегда платил турецким рабочим пропорционально более высокую плату, чем грекам. Иногда у меня бывали и несколько рабочих-евреев, которые также работали гораздо лучше, чем греки.

По этому случаю я хотел бы упомянуть, что все евреи Леванта – потомки испанских евреев, которые – к великой беде Испании – были изгнаны из этой страны в марте 1492 года в царствование Фердинанда и Изабеллы. Странно, но, несмотря на свои долгие блуждания и переменчивость судьбы, они так и не забыли своего испанского языка, на котором все еще беседуют между собой и на котором даже еврей-рабочий говорит более бегло, чем по-турецки^{26*}. Если один из этих евреев сейчас вернется в Испанию, то его словарь, конечно, может там показаться забавным, ибо изобилует старинными испанскими словами, такими, как мы находим в «Дон Кихоте», и, кроме того, содержит немало турецких слов. Но все равно удивительно, что испанский язык так хорошо сохранился на Востоке в течение четырех веков в устах людей, которые, если им приходится переписываться между собой, пишут его не латинскими, а еврейскими буквами. Таким образом, на все испанские письма, которые я адресовал еврею С.Б. Гормезано в Дарданеллах, который в то время был моим агентом, я всегда получал ответы на итальянском, и меня уверили, что он и не умеет писать по-испански латинскими буквами, поскольку с детства он привык к еврейскому алфавиту.

У меня было два турецких представителя, один из которых, по имени Мохаррем-эфенди, был послан ко мне местными властями: пришлось предоставить ему жилье и платить 7 фунтов 10 шиллингов ежемесячно. Другой представитель, Бедер-эддин-эфенди, был послан ко мне министром общественного образования в Константинополе, который ему и платил: мне осталось лишь предоставить ему спальню. Я проводил археологические раскопки в Турции много лет, но никогда еще не имел несчастья получить столь чудовищного представителя, как Бедер-эддин, чье высокомерие и самодовольство равнялись только его полному невежеству и который считал своей единственной обязанностью ставить мне палки в колеса, где только возможно. Поскольку он был представителем правительства, то телеграф в Дарданеллах был в полном его распоряжении, и он использовал его самым бесстыдным образом, чтобы обвинять меня и моих архитекторов перед местными властями. Сперва гражданский губернатор прислушивался к нему и посылал достойных доверия людей, чтобы расследовать его обвинения; однако, неоднократно убедившись, что этот человек всего лишь низко клеветает на нас, он больше уже не обращал на него внимания.

Турок всегда будет ненавидеть христианина, как бы хорошо тот ему ни платил, и Бедер-эддину-эфенди было совсем не трудно привлечь всех моих одиннадцать жандармов на свою сторону и, таким образом, приобрести себе столько же шпионов. Этот человек стал особенно неприятным и невыносимым для нас, когда в апреле мой архитектор, доктор Дерпфельд, употребил геодезический прибор, чтобы делать измерения и планы Илиона. Сие обстоятельство было сообщено военному губернатору Дарданелл Джемалю-паше, который немедленно довел его до сведения Саида-паши, Великого Начальника артиллерии в Константинополе, намекнув ему о своих подозрениях, что мы-де лишь используем раскопки в Трое как предлог для снятия планов крепости в Кум-Кале.

²⁶ Лингвисты считают это наречие особым языком – «ладино» или сефардским.

Саид-паша принял его точку зрения и немедленно телеграфировал ему с тем, чтобы он запретил нам не только пользоваться геодезическими приборами, но и вообще делать какие-либо планы.

Как только Бедер-эддин-эфенди услышал об этом, он начал постоянно доносить на нас военному губернатору, заявляя, что якобы мы, несмотря на запрещение, тайно делаем измерения и планы, и он настолько преуспел в настраивании этого офицера против нас, что тот вообще запретил нам измерять что-либо на раскопках. Добившись этого, Бедер-эддин-эфенди объявил, что он и его надсмотрщики, которых он поставил над нами, не могут понять, что мы делаем: измеряем или просто делаем заметки или рисунки; посему он совсем запретил нам делать записи или рисунки во время раскопок и постоянно угрожал моим архитекторам, что арестует их и пошлет в цепях в Константинополь, если они не будут повиноваться.

Я прибег к помощи германского посольства, объяснив, что злополучная крепость Кум-Кале находится в пяти милях от Гиссарлыка и совершенно невидима оттуда и что я просто был намерен сделать новые планы акрополя и нижнего города вместо старых (планы I и II в «Илионе»), которые после моих раскопок в этом году оказались не вполне верными. Поверенный в делах Германской империи в Константинополе, барон фон Хиршфельд, немедленно занялся этим делом, но ни он, ни его превосходный первый драгоман, барон фон Теста, не могли ничего поделать против упрямства Великого Начальника артиллерии, который не повиновался даже приказаниям Великого визиря.

Правда, несмотря на бдительность Бедер-эддина-эфенди, нам все же удалось сделать все заметки, которые нам были нужны, однако измерения были совершенно невозможны. Таким образом и прошли пять месяцев троянской кампании: она завершилась в конце июля, с постоянными тщетными усилиями со стороны германского посольства в Константинополе добиться для нас позволения делать планы и среди ежедневных и ежечасных беспокойств, которые причинял нам наш невыносимый турецкий представитель Бедер-эддин-эфенди; короче говоря, подобный ему субъект – абсолютное зло для любого археолога.

В августе я прямо обратился к канцлеру Германской империи, князю Отто фон Бисмарку, который любезно занялся этим делом, немедленно дал новые инструкции посольству в Константинополе и добился для меня в сентябре позволения делать новые планы при том условии, что они будут ограничиваться моими работами ниже уровня почвы и что над поверхностью земли никаких измерений делаться не будет. Ограниченное таким образом дозволение было, конечно, бесполезным. Возможно, меня ожидали бы дальнейшие отсрочки и разочарования, если бы на помощь не пришел счастливый случай. Мой досточтимый друг, герр фон Радовиц, был назначен посланником Германской империи в Константинополе. Фон Радовиц – один из самых выдающихся дипломатов, которыми когда-либо располагала Германия; кроме того, он одарен необузданной энергией, а душа его горит священным огнем науки. Обратившись от моего имени прямо к его величеству султану, он немедленно добился от него ирадэ, которое позволяло мне делать планы. Теперь я могу публично исполнить приятнейший долг перед его превосходительством и самым сердечным образом поблагодарить его за ту неизмеримую услугу, которую он оказал мне, ибо без нее я, возможно, так и не смог бы завершить свою работу.

Итак, 18 ноября я снова отправил в Трою доктора Дерпфельда; однако, поскольку у него было так мало времени, он смог сделать лишь план VII (акрополь второго города). Только в апреле 1883 года я смог послать в Трою геодезиста, г-на Дж. Риттера Вольфа, который сделал план VIII – всего города Илион.

Возвращаясь к рассказу о наших делах по порядку. Южный ветер дул только первые три дня марта; потом, до конца апреля, и, следовательно, пятьдесят восемь дней подряд беспре-

рывно дул сильный северный ветер²⁷, который по меньшей мере четыре дня в неделю переходил в суровый шторм, задувал в глаза ослепляющий песок и серьезно мешал нашим раскопкам. Только у нескольких моих рабочих были очки, защищавшие их от песка; тем, у кого их не было, приходилось закрывать лица платками, и толпа моих рабочих в платках напоминала закутанных в вуали гостей на итальянских похоронах. В то же самое время погода была очень холодная, ночью термометр нередко падал ниже точки замерзания ($0\text{ }^{\circ}\text{C} = 32\text{ }^{\circ}\text{F}$)²⁸, и часто даже в апреле вода в наших бараках превращалась в лед; зачастую термометр не поднимался выше $3\text{ }^{\circ}\text{C} = 37,4\text{ }^{\circ}\text{F}$ в полдень. Горная цепь Иды была полностью покрыта снегом примерно до 20 марта. После этого снег оставался лишь на самых высоких пиках; однако он постепенно сходил и к концу мая был виден лишь на вершинах и вблизи них. Относительно деталей, касающихся погоды с 22 апреля по 21 июля, я отсылаю читателя к метеорологическим таблицам в конце этой книги. К несчастью, первые пятьдесят три дня мы не делали наблюдений, а моя малярия помешала мне делать записи после 21 июля.

Зима 1881/82 года была необыкновенно сухой, и позднее дождь все еще был исключительно редок. Весь март и апрель было всего лишь пять или шесть небольших дождей, и все время вплоть до конца июля вообще не было дождя, за исключением двух гроз. Поэтому вода Симоента, который был глубиной лишь в несколько дюймов в начале марта, полностью иссохла к концу апреля, и ложе реки стало совершенно сухим в начале мая. То же самое случилось к середине мая и с Фимбрием, и (неслыханное дело) даже в русле Скамандра на Троянской равнине в начале июля не было текущей воды, и вся река состояла лишь из ряда прудов стоячей воды, которых с течением времени становилось все меньше и меньше²⁹. Как уже было сказано в «Илионе»³⁰, проточная вода пропадает в Скамандре в среднем раз в три года в августе или сентябре; случается также (видимо, с такой же частотой), что Симоент и Фимбрий высыхают полностью в августе или сентябре, однако старейшие долгожители Троицы не упомнят такого, чтобы это происходило со всеми тремя реками так рано, как в том году.

Говоря о Скамандре, могу добавить, что 14 марта я исследовал место слияния Бунар-башису со Скамандром, которое происходит отнюдь не в двух местах, как утверждает П.В. Форшхаммер³¹, но лишь в одном, примерно в миле к югу от моста Кум-Кале³². Ручеек Бунар-башису в этом месте достигает 2 метров в ширину и около 0,3 метра в глубину. Осматривая землю в округе, я поразились конической форме холмика, на котором стоят одна или две ветряные мельницы непосредственно к востоку и юго-востоку от Ени-Шехра³³, и, тщательнейшим образом обследовав его, обнаружил, что имею дело с искусственным курганом, так называемой гробницей героя; действительно, фрагменты древней керамики, которые то тут, то там виднелись из-под земли, не оставляли на этот счет сомнений. Этот курган пока еще не был замечен никем из современных путешественников, однако он, очевидно, был известен Страбону, который упоминает о существовании здесь трех гробниц, а именно курганов Ахилла, Патрокла и

²⁷ Это были те самые ветры древних, которые назывались бореом. Aristot. Probl. 26, 2.

²⁸ Для удобства читателя, может быть, следует дать простое правило перевода температуры по Цельсию в градусы по Фаренгейту. Градусы Цельсия нужно умножить на 1,8 (то есть умножить на два, а потом на 0,9) и добавить 32°; если же речь идет о минусовой температуре (ниже нуля по Цельсию), то нужно вычесть 32°. Таким образом, $3,2\text{ }^{\circ}\text{C} = 6,4^{\circ} \times 0,9 + 32 = 37,76\text{ }^{\circ}\text{F}$. Так, разница между точками замерзания и кипения, $100\text{ }^{\circ}\text{C} = 212^{\circ} - 32^{\circ} = 180\text{ }^{\circ}\text{F}$, каждые $5\text{ }^{\circ}\text{C} = 9\text{ }^{\circ}\text{F}$ и каждый градус Цельсия = $1,8\text{ }^{\circ}\text{F}$, или 9: SF.

²⁹ Обитатели деревни Ени-Шехр, которым нужно всю свою воду носить из Скамандра, оказываются в тяжелом положении, когда река высыхает, ибо им приходится копать колодцы в русле реки и по мере того, как река становится все суше и суше, копать все более и более глубокие ямы.

³⁰ Т. 1. С. 152.

³¹ Forchhammer P. W. Topographische und Physiographische Beschreibung der Ebene von Troia. S. 14.

³² См. большую карту Троицы.

³³ См. большую карту Троицы.

Антилоха, в то время как до сего дня мы знали только две гробницы, приписываемые двум первым героям. Далее я еще вернусь к этому новооткрытому кургану.

В апреле и мае Троянская равнина обычно покрывается красными и желтыми цветами, а также высокой травой; однако в этом году из-за недостатка влаги цветов не было и почти не было травы, так что бедным людям почти нечем было кормить свою скотину. Таким образом, в этом году нам не приходилось жаловаться, как раньше, на надоедливое монотонное кваканье миллионов лягушек, ибо, поскольку болота в низинах Симоента высохли, лягушек вообще не было, за исключением всего нескольких в русле Калифатли-Асмака. Саранча в этом году появилась позднее, чем обычно, а именно в конце июня, когда почти весь хлеб уже убрали; таким образом, она не нанесла особого вреда.

Первые стаи журавлей пролетели над Троянской равниной 14 марта; первые аисты прибыли 17 марта. Журавли здесь не гнездятся: они лишь останавливаются на несколько часов, чтобы покормиться, и летят дальше на север.

1 апреля в 5 часов 15 минут пополудни случилось небольшое землетрясение.

Одной из первых моих задач было обнаружить все фундаменты эллинистических или римских построек в еще нераскопанной части Гиссарлыка и собрать принадлежавшие им, а также другим зданиям скульптурные блоки, которые уже нельзя было отнести к какому-то определенному фундаменту. Я также продолжил раскопки, начатые в 1872 году на северной стороне, в месте, отмеченном как V – N O, на глубине 12 метров ниже поверхности. Однако, обнаружив, что почва состоит исключительно из доисторического мусора, который был набросан там, чтобы расширить и сгладить холм, я вскоре снова отказался от раскопок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.